

НАТАЛЬЯ ТУЙМЕБАЕВНА АШИМБАЕВА
(Санкт-Петербург, Россия)

Этико-философский смысл ‘оби́ды’ в произведениях Достоевского и ее значение в судьбах героев романа «Идиот»

Аннотация: Статья посвящена анализу, на материале романа «Идиот», роли обиды в формировании поступков, поведения и судеб героев Достоевского. Обида как деструктивный фактор. Обиженность как недуг человеческой природы. Обида и философия отчаяния в образе Ипполита Терентьева. Пути любви и прощения. От психологии к «реализму в высшем смысле».

Ключевые слова: Обида, отчаяние, самоубийство, прощение, понимание, любовь, вера

В произведениях Достоевского выстроен мощный, многосторонний анализ совокупности личностных характеристик и причин, влияющих на судьбы героев, среди которых особенное место занимает обида как свойство человеческой психики, как вечное противоречие между желаемым и реальным, как некое экзистенциальное состояние присущее человеку, стоящему перед неразрешимыми коллизиями бытия. *Обида* – древнее слово, выражающее «несправедливо причинённое огорчение, оскорбление» (УШАКОВ 1938: 639), а также вызванное этим чувство. Понятие обиды встречается в древних текстах, в «Слове о полку Игореве» обида упоминается несколько раз и связывается с «оскорбительным нарушением прав, нанесением ущерба для чести» (ВИНОГРАДОВА 1973: 10) с бедой, постигшей войско Игоря. Обида может быть тайной причиной событий исторического масштаба, она побуждает к тем или иным решениям политиков, ученых и, конечно, обыкновенных людей в их повседневной жизни. Обида как неотъемлемое свойство психики человека, ее природа, причины и последствия является предметом рефлексии для психологов, философов и писателей. Пушкин изобразил трагедию метафизической обиды, переживаемой Сальери из-за несправедливой, как ему представляется, обделенности музыкальным даром, доставшимся Моцарту просто, без каких-либо усилий с его стороны. Это чувство толкает его на преступление, которому он долго противился:

«Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою –
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто

С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я».
(ПУШКИН 1957: V, 361–362)

Обида также двигает поступками Сильвио («Выстрел»), порождает мстительность, желание реванша. Этот мотив откликается у Достоевского в образе закладчика в «Кроткой» и получает развитие уже внутри его художественной системы, которая хранила генетическую память о текстах Пушкина.

Наиболее существенные понятия, относящиеся к 'тайне человека', в мире Достоевского всегда возводятся к первооснове смысла. Обида часто является такой тайной пружиной поступков его героев, причем в зависимости от важнейших качеств личности она проявляется по-разному у разных людей. Обиды мелких и своекорыстных героев Достоевского (Быков, Лужин) чаще всего имеют своим источником амбиции. Обида от ущербности происхождения, пережитая в самом раннем детстве Аркадием Долгоруким, одиночество, отсутствие в детстве родительского семейного попечения рождает в его душе неудовлетворенность, тоску по отцу, являются причиной многих его поступков и решений. Обиды героев 'философского плана' (подпольный человек) оборачиваются их личной драмой или трагедией. Обида, обидчивость, какая-то изначальная обиженность свойственны героям произведений Достоевского от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых», причем градации и оттенки обиды, ее тайные и явные причины многообразны и причудливы: от мимолетной вспышки до хронической, болезненной погруженности в это состояние. Обида может быть названа, выражена вербально – в языке произведений Достоевского очень много оттенков для выражения этого чувства или состояния. Слова с корнем *обид-* / *обиж-* (*обида*, *обидеться*, *обиженный*, *обидчик* и др.) встречаются в художественных произведениях Достоевского в общей сложности 855 раз (ШАЙКЕВИЧ... 2003: 224). Но обида и не названная прямо часто присутствует в поведении героев, в их отношениях с окружающими как первопричина, как начальный импульс, оказавший влияние на поведение и на судьбу человека. В иных случаях надо еще добраться до этой первопричины и понять, что именно обида, нанесенная когда-то, стала решающим импульсом для многих дальнейших поступков человека. Достоевский средствами художественного анализа показал: обида, когда-либо пережитая человеком, остается в глубинных слоях его психики и часто является тайным побудителем поступков. Так Порфирий Петрович, угадавший характер Раскольников, трактует причину, приведшую его к преступлению: «Негодование-то в вас уж очень сильно кипит-с, благородное-с, от полученных обид, сперва от судьбы, а потом от квар-

тальных, вот вы и мечетесь туда и сюда...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VI, 265).

В романе «Идиот» даны портреты героев, разных по социальному статусу, по психологическим особенностям, но в основе многих характеров и даже судеб лежит обида, полученная когда-то в прошлом: в детстве или ранней юности, часто в силу фатально сложившихся обстоятельств. Оскорблен и обижен Фердыщенко, получивший свою неблагозвучную фамилию. Это стало причиной его постоянного ерничества и шутовства, за которыми скрываются злость и обида. Неизжитая обида лежит в основе характера всех эксцентричных поступков и отчаянных метаний Настасьи Филипповны. Среди обиженных в романе «Идиот» ей принадлежит центральное место. Едва ли не во всех эпизодах с ее участием постоянно мелькает слово *обида*, причем во многих случаях она не только обиженная, но и обидчица, как, например, в эпизоде с Евгением Павловичем Радомским (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 290), не говоря уже о Рогожине или Гане Иволгине. В исследованиях и в критической литературе о романе «Идиот» Настасья Филипповна предстает жертвой обстоятельств. Связь в ранней юности с Тоцким, сделавшим ее наложницей, оставила навсегда в ее душе чувство поруганной чистоты и возвышенных представлений о жизни. Давняя обида, которую должны были стереть годы уединенной, почти монашеской жизни, стала только острее, когда ее дальнейшую судьбу должен был определить торг, в котором участвовали Тоцкий, Епанчин, Ганя Иволгин, Рогожин. К. Мочульский понимал трагедию Настасьи Филипповны как трагедию красоты, Психеи, оказавшейся в мире, где все решают деньги (МОЧУЛЬСКИЙ 1995: 407). Роман «Идиот» это не психологическая или социальная драма, но в глубинном смысле религиозная трагедия, которая разыгрывается в мире житейских и социальных коллизий, среди людей, не знающих или, может быть, смутно догадывающихся об истинной природе всех событий. Главные темы этой трагедии – темы греха, искупления, смерти и воскресения, главный образ – Христос. Настасья Филипповна мечется между сознанием греховности и верой в чистоту своей души. «Эта несчастная женщина, – говорит о ней князь Мышкин, – глубоко убеждена, что она самое последнее, самое порочное существо из всех на свете <...>, что она жертва людей, жертва развратника и злодея. Но что бы она вам ни говорила, знайте, что она сама, первая, не верит себе и что она всею совестью своею верит, напротив, что она... сама виновна. Знаете ли, что в этом непрерывном сознании позора для нее, может быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 361). Она навсегда остается в порочном кругу своих метаний, не имея сил преодолеть обиду, вырваться за пределы страстей и отчаяния.

Последнее относится и к Ипполиту Терентьеву, юноше, страдающему чахоткой и знающему, что ему осталось недолго жить. Его обида обращена к судьбе, к природе, к той неотвратимости и безнадежности, которые

он связывает с образом «мейеровой стены», глухого брандмауэра, находящегося напротив его окна. Именно эта обида, нанесенная не кем-то персонально, а самой судьбой, сближает Ипполита с князем Мышкиным, который также пережил чувство отверженности, обделенности простыми радостями, доступными другим людям. Не случайно ему припомнилась та «мушка», в «горячем солнечном луче», про которую Ипполит написал, что и «она знает свое место и в общем хоре участница, а он один только выкидьш». С этими мыслями Ипполита перекликается давно забытое воспоминание Мышкина: «Это было в Швейцарии, в первый год его лечения, даже в первые месяцы. Тогда он еще был совсем как идиот, даже говорить не умел хорошо, понимать иногда не мог, чего от него требуют. Он раз зашел в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одною мучительною, но никак не воплощавшеюся мыслию. Пред ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца края нет. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой. Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник, которому нет конца и к которому тянет его давно, всегда, с самого детства, и к которому он никак не может пристать. Каждое утро восходит такое же светлое солнце; каждое утро на водопаде радуга, каждый вечер снеговая, самая высокая гора, там вдали, на краю неба, горит пурпуровым пламенем; каждая „маленькая мушка, которая жужжит около него в горячем солнечном луче, во всем этом хоре участница: место знает свое, любит его и счастлива“; каждая-то травка растет и счастлива! И у всего свой путь, и всё знает свой путь, с песнью отходит и с песнью приходит: один он ничего не знает, ничего не понимает, ни людей, ни звуков, всему чужой и выкидьш. О, он, конечно, не мог говорить тогда этими словами и высказать свой вопрос; он мучился глухо и немо; но теперь ему казалось, что он всё это говорил и тогда; все эти самые слова, и что про эту „мушку“ Ипполит взял у него самого, из его тогдашних слов и слез» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 351–352).

«Общая точка» между Мышкиным и Ипполитом подчеркивает и глубокую разницу между ними, которая содержится в загадочном и даже неожиданно жестоком ответе князя на вопрос Ипполита, как ему «всего лучше умереть»: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!» (там же, 433). К. Степанян, сопоставляя Ипполита и князя как двойников, рассматривает странный ответ Мышкина как нехристианский, лишенный сострадания к мальчику: «Князь называет себя христианином, Ипполит – атеистом, но, как говорит сам Ипполит, „Les extrémités se touchent” – т. е. крайности сходятся. „Сходятся” они в тот момент, когда Мышкин говорит Ипполиту странную фразу...» (СТЕПАНЯН 2005: 161). Ипполит реагирует на эту фразу смехом и словами: «Так я и думал! Непременно чего-нибудь ждал в этом роде! Однако же вы... однако же вы... Ну-ну! Красноречивые люди! До свиданья, до свиданья!» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 433).

Этот диалог трудно поддается рациональному толкованию. С одной стороны, в словах князя: «Пройдите мимо нас» есть антинигилистический, авторский смысл, выразителем которого Мышкин становится в некоторых ситуациях. Ипполит ведь появился на даче Лебедева с компанией нигилистов. Но главный смысл этого диалога не в злободневных коннотациях, а в области философии отчаяния, трагедии личности перед неотвратимыми силами природы. Князь здесь выступает с позиции христианского оптимизма, притягивая мир, вопреки и поверх очевидности. Ипполит же навсегда остался с переживанием экзистенциальной несправедливости мироустройства. Все, что его окружает, как нарочно, напоминает о непоправимой, незаслуженной обиде, нанесенной безликой темной силой. Во сне Ипполита эта сила воплотилась в отвратительного тарантула. И «мейерова стена», и картина «Мертвый Христос» Гольбейна, и даже смех и счастливые молодые лица окружающих – все складывается в одно чувство отчаяния и безысходности. Душевный мир Ипполита беспросветный. Отчаяние и безверие вызывают в нем бунт против природы и желание своей волей оборвать бессмыслицу жизни, победить ее самоубийством, которое он, однако, не смог совершить. К самоубийству как бунту против непреодолимой силы бытия, против его законов тяготеют отчаявшиеся, утратившие веру герои Достоевского. В главе «Приговор» («Дневнике писателя» за 1876 год) герой-самоубийца, подобно Ипполиту, отказывается принять мироустройство и разворачивает целую цепочку аргументов, подтверждающих его решение своей волей прервать жизнь, в которой нет смысла: «...Я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание. <...> А так как природу я истребить не могу, то и истреблю себя одного...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 148). Бунт Ипполита логически завершит Кириллов в «Бесах».

Исследователи неоднократно обращались и продолжают обращаться к поведению Ипполита. В философском плане – это второй центр романа, противопоставленный Мышкину. Эти два героя представляют в «Идиоте» Pro et contra Достоевского, проходящие через все его романы. К. Аполлоно приводит запись из подготовительных материалов к «Идиоту» «"ИППОЛИТ – главная ось всего романа"» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: IX, 277). Такой озлобленный, многословный бунтовщик против несправедливого мира, как Ипполит, <...> имеет много общего с такими мыслителями, как парадоксалист из подполья и Иван Карамазов» (АПОЛЛОНИО 2020: 160). В образах отчаявшихся бунтарей и самоубийц Достоевский предвосхитил философию экзистенциализма в ее пессимистическом, безрелигиозном направлении, выразителем которого в XX веке был А. Камю. Не приемлющие мира герои не могут и не хотят увидеть источники жизни из-за обиды, нанесенной силой вещей, природой. В «Братьях Карамазовых» есть герой так же, как Ипполит, пораженный неизлечимой болезнью и знающий о близкой смерти. Это брат старца Зосимы, юноша

Маркел, переживший на Святой неделе религиозный кризис и ушедший из жизни со словами любви к близким и ко всему живому. Такого преображения не дано отчаявшимся героям Достоевского.

В отличие от Ипполита, князь Мышкин свою экзистенциальную обиду и отверженность пережил и обратил в способность понимать других людей и прощать их, как простил он Бурдовского и компанию, напечатавших пасквиль на князя под предлогом борьбы за социальную справедливость. Мышкин же увидел скрытую за клеветническими словами газетной публикации обиженность и ущербность авторов и нашел слова сочувствия «сыну Павлищева».

Понимание и прощение – это то, с чем хриstopодобный герой Достоевского пришел к людям. Однако так ли абсолютна и безусловна, в авторском понимании, правота Мышкина с его стремлением всех понять и простить? Почему-то оказывается, что прощение князя, основанное на его способности раскрыть тайную подоплеку человеческого поведения, приводит не к примирению и покаянию, а вызывает новую обиду у тех, кого князь простил. Так было с Ипполитом, обрушившим на князя проклятия, так было и с Антипом Бурдовским, испытывавшим новую обиду и унижение, когда князь раскрыл его самозванство.

В истории чтения на даче статьи-памфлета Достоевский столкнул две противоположные реакции на безобразный поступок, в основе которого лежала не только обида, но и очевидная корысть. Готовность князя понять и простить и даже отдать сомнительному «сыну Павлищева» десять тысяч сопоставлены с гневной реакцией Лизаветы Прокофьевны: «Это низость, низость! Это хаос, безобразие, этого во сне не увидишь! Да неужто их много таких?.. Так ты, миленький, у них же и прощения просишь... „виноват, дескать, что осмелился вам капитал предложить”...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 237). Лизавета Прокофьевна в романе наделена чутким, любящим сердцем, способностью интуитивно понимать или догадываться обо всем, что происходит с окружающими. Это их объединяет с князем. Однако беспредельная способность Мышкина прощать ей по-человечески, по-земному непонятна. Зато у нее одной нашлись слова, которые были нужнее всего Ипполиту в минуту полного отчаяния: «Ну-ну-ну! Ну, не плачь же, ну, довольно, ты добрый мальчик, тебя Бог простит, по невежеству твоему; ну. Довольно, будь мужествен...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: VIII, 248). Эмоциональные реакции Лизаветы Прокофьевны исходят из ее желания по-матерински защитить мир и семейный уклад от надвигающегося хаоса, откуда бы он ни исходил. Она почувствовала разрушительный характер не только в неисцелимой обиженности любого человека, но и в безграничности понимания, прощения, оправдания человека и всех его поступков, к которым постоянно приходит Мышкин. У Достоевского прекрасен Мышкин его глубоко христианским подходом к людям; обаятельна и Лизавета Прокофьевна в непосредственности выражения естественных человеческих чувств. Это сопостав-

ление Достоевский оставил без дидактической подсказки читателю, оно лежит в области важнейшей темы романа: «о двух природах – божественной и человеческой – Христа» (СТЕПАНЯН 2005: 126).

Какими бы ни были причины обид, они коренятся в сфере чисто человеческих, земных отношений. Обида, терзающая человека тайно или явно, – это болезнь души, проявление сосредоточенности на себе, эгоцентризма, который ведет к одиночеству, утрате связи с людьми. Обиды героев Достоевского – это свидетельство об изначальном надломе человеческой природы, подлежащем преодолению духовным усилием отдельного человека: «Возлюбить человека **как самого себя**, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: XX, 172) – в словах этой записи, сделанной Достоевским после смерти жены, Марии Дмитриевны, одна из самых глубоких мыслей писателя о законе личности и об идеале Христа, который указывает на путь спасения людей от самих себя. Обратимся к другой знаменитой записи в тетрадах 1880–1881 г., которая многократно цитировались в работах исследователей: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (ДОСТОЕВСКИЙ 1972–1990: XXVII, 65). Исследование глубин человеческой психики, ее тайн для Достоевского не конечная цель. В его художественном мире человек существует в процессе развития своих внутренних возможностей. Там, где замирает процесс, где личность исчерпала себя, наступает гибель (Ставрогин, Свидригайлов). Именно потому Достоевский, сделавший глубочайшие открытия в области человеческой психики, отказывается называть себя психологом. Примечательно, что герои положительного плана: Мышкин, Макар Долгорукий, старцы Зосима, Тихон свободны от плена обид. В своем духовном развитии они обрели внутреннюю свободу в вере. Достоевский-писатель поставил диагноз, вскрыл тайные причины многих жизненных трагедий, истоком которых являются душевные травмы, обиды, внутреннее неустройство, но не прописав рецепта для исцеления от недуга, определил идеал, всегда остававшийся для него в личности Христа.

Литература

- АПОЛЛОНИО К. (2020) Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб., 2020.
- ВИНОГРАДОВА В.Л. (1973) Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках. Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 4. Наука, Л., 1973.
- ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. (1972–1990) Полное собрание сочинений: В 30 тт. Л., 1972–1990.
- МОЧУЛЬСКИЙ К. (1995) Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
- ПУШКИН А.С. (1957) Полное собрание сочинений: В 10 тт. Т. 5. М., 1957.

- СТЕПАНЯН К.А. (2005) «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005.
- УШАКОВ Д.Н. (1938) Толковый словарь русского языка. Под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938.
- ШАЙКЕВИЧ А.Я., АНДРЮЩЕНКО В.М, РЕБЕЦКАЯ Н.А. (2003) Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

The ethical and philosophical meaning of “grievance” in the works of Dostoevsky and its significance in the fate of the characters of the novel “The Idiot”. The article is devoted to the analysis, based on the material of the novel “The Idiot”, of the role of grievance in the formation of actions, behavior and the fate of Dostoevsky's characters. Grievance as a destructive factor. Grievance as a disease of human nature.

Grievance and the philosophy of despair in the image of Ippolit Terentyev. Ways of love and forgiveness. From psychology to “realism in the highest sense”.

Keywords: Grievance, despair, suicide, forgiveness, understanding, love, faith